

Биополевая эстетика А.А. Любищева

Ю.В. Линник

185005 Петрозаводск, ул. Володарского, д. 1, кв. 58

YuLinnik@yandex.ru

Вещество и поле – равноправные ипостаси материи. Корпускулярно-волновой дуализм фундаментален. Однако миру, взятому в своем антропологическом сечении, присуща характерная асимметрия: для человека значимо в первую очередь вещество – тогда как поле оказывается вне сферы его непосредственных реакций и интересов. Не случайно оно было открыто М. Фарадеем только в XIX веке. Эстетика по определению направлена на предметно-вещественную, чувственную реальность. Ее односторонность оправдана самой природой восприятия, которое требует для себя конкретных реалий, но тем не менее постоянно расширяет свою область, стремясь охватить явления, прямо недоступные для сенсорики. Изыскиваются средства для перевода этих явлений на зрительный план.

* * *

Среди пионеров полевой эстетики надо назвать П.А. Флоренского. Может ли искусство выразить двойственную природу магнита? П.А. Флоренский [1996, с. 153] пишет: «Сталь должна быть передана цветом, а силовое поле отвлечено». Это очень общая, но глубокая в своей философской установке рекомендация: возможна художественно значимая дополнительность конкретного и абстрактного – вещественного и полевого. Достойная задача для авангарда! Однако задолго до него ее решала иконопись. Речь идет о так называемой *разделке* или *ассистке*, когда на красочный слой накладываются полоски золота, призванного проявить умопостигаемый свет. Читаем у Флоренского: «можно было бы говорить о разделке как о силовых линиях поля, формирующего вещь» [там же, с. 152]. Благодаря визуализации этих линий обнаруживается «онтологический остов вещи» [там же]. Таковой вполне может быть соотнесен с эйдосом в понимании А.Ф. Лосева.

* * *

Не эйдос ли соцветия ромашки высвечен в замечательных наблюдениях А.Г. Гурвича? По словам его восторженного, но вместе с тем весьма критичного ученика А.А. Любищева, здесь «прямо в глаза била “морфоэстетика” в смысле

поля – прямое нащупывание еще нереализованной параболы растущими цветками, которые для этого проделывают резкие искривления» [А.А. Любищев..., 1998, с. 162]. Из этих мыслей, насыщенных эвристической энергией, могла бы вырасти новая дисциплина:

- предложено ее название, подчеркивающее примат формы, а не функции;

- указан субстрат явления – биологическое поле;

- постулирована телеологическая природа этого поля – фактором формообразования названа еще нематериализованная структура, существующая как потенция (или как цель, действующая из будущего).

* * *

К развитию идеи биологического поля А.Г. Гурвич приступил в 1912 году. Будучи строгим философом и методологом науки, он любил четко ставить проблему и расчленять ее – вот два вопроса, поставленные им в 1947 году:

- *Является ли целое объектом научного мышления?*

- *Если является, то адекватны ли представления и методы теории поля для этой задачи?*

Оба эти вопроса имеют первостепенное значение для биополевой эстетики. *Красота* связана с *целостностью*. Мышление эстетики искони было принципиально холистическим – все суммативное и аддитивное она выносила за скобки. Как генерируется и поддерживается целое? Гипотеза поля дает ключ к решению этой проблемы. Важно подчеркнуть, что идея применима не только к биологическим объектам – специфические поля целостности присущи всем прекрасным формам. В частности, архитектурным.

* * *

Биологическое поле имеет динамическую природу. Иное дело – архитектура: поля целостности здесь как бы заморожены в прекрасные здания. Эти поля статичны. На их примере удобно комментировать полевые представления. Аналогии между архитектурой и биологией давно проводятся как на системном, так и на мета-

форическом уровне. Вот пример второго случая – из текстов А.Г. Гурвича [1991, с. 197]: «обширные архитектурные ансамбли белковых молекул». Поле целостности выявляет себя в зодчестве через систему пропорций. Для архитектурной эстетики большое значение имеет так называемый *пропорциональный анализ*. При его проведении богато дифференцированная форма вписывается в совокупность простых геометрических фигур, образующих неявный для поверхностного взгляда геометрический каркас, намечающий основные соотношения и напряжения. Если мы имеем дело с подлинным шедевром, то такое наложение поражает своей органичностью. Предположим, что здание подновлялось – при этом нарушался замысел зодчего. Тогда пропорциональный анализ немедленно выявит все отклонения. И этим облегчит работу реставратора. Здание как бы прогенерирует, восстановив поле целостности.

* * *

Схему пропорционального анализа можно трактовать как проявление эйдоса здания. А.А. Любищев сближал понятия Платоновой идеи и гена. Стоит подумать о том, что и в архитектурном формообразовании существует некое подобие генов, направляющих морфогенез. Это ключевые геометрические фигуры и их комбинации. На их основе удается создать естественную классификацию стилей. А.Г. Гурвич и А.А. Любищев использовали схожий алгоритм, но применительно к гораздо более сложному уровню живого – А.Г. Гурвич связывал феномен целого с «выражением видовой и даже индивидуальной специфичности как соматической сферы, так и того, что мы привыкли называть “характером”» [А.А. Любищев..., 1998, с. 187]. Понятие «*характера*» в данном контексте коррелирует с понятием «*стиля*». Это напечатление неповторимого – а значит, и узнаваемого, информационно выделенного. Не задается ли органическое разнообразие вариацией полей? У Плотина мы находим такое определение: «*эйдос есть индивидуализированная энергия*» [Лосев, 1993, с. 309]. Тут очевидна прямая параллель с размышлениями А.Г. Гурвича. Теория биополя возникла в лоне платонизма. Уточняя свои интуиции, А.Г. Гурвич [1977, с. 235] пишет: «Клеточное поле анизотропно, и характер его анизотропии определяет специфичность организма». Прежде всего видоспецифичность! Анизотропия поля – по удачному выражению Л.В. Белоусова – «есть видовая постоянная» [Белоусов и др., 1970, с. 126]. Поле не просто задает форму, но и привносит в нее *характерное, стилевое* – оно конституирует облик таксона любого ранга. И прежде всего вида.

Связь понятий «*идея*» и «*вид*» известна. Вспомнив лосевскую концепцию *выражения*, мы вправе сказать так: биополе и есть идея организма, но уже вступившая в стадию осуществления, реализации. Возможность (потенциальное) становится действительностью (актуальное). А.Ф. Лосев [1993, с. 451] подчеркивал: «Потенция относится к энергии как общее к индивидуальной этости». Момент индивидуального не зря акцентируется нами – эстетическое сознание ориентировано именно на него, идя к общему через частное. Биополе посредствует между абстрактной идеей и конкретным воплощением. В этом его особая значимость для эстетики.

* * *

Целое – поле – геометрия... А.Г. Гурвич не просто настаивал на взаимосвязи этих понятий – фактически он их синонимизировал. Это выдающееся обретение его теории. Оно имеет некоторую аналогию в построениях А. Эйнштейна, где гравитационное поле индуцируется геометрией пространства. Первичность геометрии тоже заставляет вспомнить о платонизме. По мнению А.Г. Гурвича, представления о целом имеют «существенно геометрический характер» [А.А. Любищев..., 1998, с. 189]. Эта платонистская по своему духу концепция вызвала особый отклик у А.А. Любищева. Если биология в целом виделась ему как «собрание дифференциальных уравнений», то морфология отдельно рисовалась воображением «в виде огромного геометрического чертежа» [там же, с. 107]. Это был своего рода пропорциональный анализ всей биосферы! Возможно, систематика на этом уровне выдвинет нечто подобное эрлангенской программе, связав группой преобразований разные планы строения. А.А. Любищев выводил проблему органического многообразия за рамки эволюционного подхода. Но гипотетические преобразования стали бы его аналогом. Размышляя о доминирующем значении формы, А.А. Любищев пишет: «Чисто геометрическая корреляция, пронизывающая все организмы, облегчает последующую утилизацию органов» [там же, с. 115]. Вначале – геометрия, потом – наполнение. Однако геометрия предуготовляет и оптимизирует становление будущих функций. А.Г. Гурвич [1977, с. 198] констатировал, «что целое определяется *чисто геометрическими параметрами* и что ничего больше мы о нем не знаем». Но это немало!

* * *

Критерий целостности занимает существенное место в системе эстетических оценок. Используется он интуитивно. Витализм сделал попытку более точно и строго подойти к проб-

леме. Вот известное положение Г. Дриша, которое в принципе можно формализовать: «перспективная судьба элемента есть функция от его положения в целом» [Гурвич, 1991, с. 213]. Это перевод А.Г. Гурвича. Известна и другая его редакция: «Будущее элемента является функцией от его положения внутри целого» [Гурвич, 1977, с. 199]. А.Г. Гурвич прямо говорит, что «целое влияет на положение (или движение) элементов» – является основным структурирующим фактором [там же, с. 198]. Еще одно значительное выражение: «воздействие целого» [А.А. Любищев..., 1998, с. 186]. Думается, что эти глубокие соображения выходят за рамки биологии – вероятно их эвристичность и в других областях. Например, в психологии творчества. Художник творит в поле целого – оно подчиняет себе все элементы. Происходит чудо их самоорганизации. Это совсем не похоже на механическую сборку! Р. Вирхов говорил: организм – *республика клеток*. То есть агрегат. Целое не витает над ним. В споре с редуccionистским подходом витализм оттачивал свою философию. Без генерации полей целого нет подлинного творчества на всех уровнях бытия.

* * *

Теория биополя А.Г. Гурвича проделала длительную и сложную эволюцию. Внутри нее возникла интереснейшая антиномия, которую можно представить следующим образом

ТЕЗИС

Векторное биополе есть неделимое целое, накладываемое на элементы – оно есть нечто автономное и дополнительное по отношению к их совокупности.

АНТИТЕЗИС

Векторное биополе должно рассматриваться как результат геометрического синтеза клеточных полей – оно не обладает онтологической самостоятельностью [Гурвич, 1977, с. 198].

Эту альтернативу А.А. Любищев сформулировал так: *холистическое* и *интерференционное* понимание поля. Если А.Г. Гурвич настаивал на правомерности обеих концепций, то А.А. Любищев полагал, что в теории клеточных полей его учитель значительно ослабил свой первоначальный платонизм [А.А. Любищев..., 1998, с. 158–159]. Думается, что здесь не было уступки механицизму – дело, скорее всего, в реальных возможностях эксперимента: ведь и сегодня полевые исследования проводить на клетке легче, нежели на целостном организме. Для А.Г. Гурвича были значимы некоторые эпистемологиче-

ские установки позитивизма. Он стремился к верификации своих положений. Если ему и стало казаться, что понятие динамически преформированной морфы несет в себе метафизический оттенок, то это не значит, что он перестал быть платоником. А.Г. Гурвич глубже задумался над языком теории. Поскольку понятие динамически преформированной морфы испытывает трудности с верификацией, очень вероятно, что по этой причине А.Г. Гурвич решил его вывести – надо полагать, что временно – из своего словаря. В рамках клеточной теории поля ученый развил весьма смелые идеи – конкретно:

- поле каждой клетки выходит за ее пределы, внося свой вклад в структурирование окружающего пространства; совместное действие полей понимается как синтез, а не суммирование – если целое теперь и не является полностью неразложимым, но все же оно не превращается в мозаику, по сути аннулирующую его свойства;

- показан приоритет полевых воздействий перед контактными – дистанционная связь оказывается более значимой по сравнению с непосредственной, вещественной; это качественно обогащает и конкретизирует представления о становлении феномена целостности, затрудняя возможный рецидив механицизма;

- в своей последней редакции теория биополя предполагает большую неравновесность и спонтанность системы сопоставительно с теорией динамически преформированной морфы – это усиливает значение саморегуляции и самоорганизации: налицо предвосхищение синергетики; напомним, что А.Г. Гурвич поддерживал Э.С. Бауэра, автора идеи устойчивого неравновесия; поскольку поле обладает бесконечным числом степеней свободы, это наилучшая арена для тонкой синергетической игры, направленной на самосогласованность системы – кооперированный эффект возникает помимо жесткой и однозначной детерминации, для которой практически не остается места;

- развивая теорию клеточного поля, А.Г. Гурвич все настойчивее связывает понятие *целого* с понятием *инварианта* — оно позволяет четче в *изменяющемся* увидеть *сохраняющееся*, работая опять-таки против суммативного подхода, который если и допускает экстраполяцию состояния системы на некоторый момент будущего, то на основе классического детерминизма, чья неадекватность для познания живого теперь несомненна; инвариант отождествляется с анизотропией поля;

- А.Г. Гурвич выдвигает полевой вариант принципа Реди, который может быть переформулирован следующим образом: *поле от поля*;

ученый пишет «создание поля *de novo* так же абсурдно, как и представление о самозарождении» [Гурвич, 1977, с. 235]; преемственность жизни устанавливается на полевом уровне.

* * *

А.А. Любищева не устраивала клеточная модификация теории биополя. И это понятно: в своих холистических убеждениях он был максималистом. Увлекают его представления о возможности существования *супраиндивидуальной морфы* – вот перечень явлений, к которым может быть приложено это понятие: консорций – симбионт – биоценоз – *genius loci* – геомерида [А.А. Любищев..., 1998, с. 115]. Можно ли говорить о поле биосферы в целом? Проблема иерархии полей аналогична проблеме иерархии идей. Эту иерархию А.А. Любищев прозревал и на экологическом, и на таксономическом плане. Поле индивида – вида – рода – семейства и т.д.; наконец, поле класса и типа: насколько оправданы эти представления? Хочется найти для них геометрические соответствия. В принципе это вполне возможно. Учитывая фундаментальность поля, мы могли бы по-новому взглянуть на эволюцию: она предстанет перед нами как закономерная трансформация биополей. Сама постановка вопроса тут обновляется. На вещественном плане эволюция может выглядеть как статистический или случайностный процесс. Но в своей полевой подоснове она есть *номогенез*.

* * *

Каков источник биополя? Попытки А.Г. Гурвича ответить на этот вопрос с предельной конкретностью – например, связать искомое с хроматином – сегодня кажутся крайне наивными. В подходе к данной проблеме А.А. Любищев был радикален: он считал, что поиск надо вести за пределами пространства-времени – корни жизни уходят в трансцендентные измерения. Представления о реальности должны быть качественно расширены. Граница между естествознанием и метафизикой А.А. Любищеву видится подвижной. Вот показательная цитата из его переписки с А.Г. Гурвичем: «Мое расширение естествознания в область метафизики» [там же, с. 102]. Эйдос – это метафизика, тахион – это физика. Совпадение данных понятий соответствует любинцевскому расширению. Физика перекрывает метафизику. Нечто подобное А.А. Любищев хотел увидеть и в биологии. Сейчас мы вступаем в область умозрительных спекуляций. Но это неизбежно в тех случаях, когда существующая аксиоматика оказывается тесной – встает необходимость ее расширения в духе теоремы К. Гёделя. *Расширение* в нашей ситуации обретает фор-

му *трансцендирования*. Это дерзкий шаг. А.А. Любищев решился на него. Параллельными путями шли П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев. Прочитываем А.Ф. Лосева [1993, с. 279]: «*Эйдос, будучи сам вне пространства, в пространстве делается определенной величиной*». А.А. Любищев был мастером апоретики. Среди оппозиций, которыми он оперировал, назовем и эту: *пространственное – внепространственное*. Данная оппозиция накладывается на двухуровневую, типично платоновскую в своем главном признаке модель мира. По убеждению А.А. Любищева, естествознание должно работать внутри этой модели – иначе оно неизбежно окажется в тупике.

* * *

Что же представляет собой динамически преформированная морфа? Вот одно из ее определений, данное А.А. Гурвичем и Л.В. Белоусовым: это «*силовая поверхность, ориентирующая и притягивающая клетки эмбриональных зачатков*» [Белоусов и др., 1970, с. 4]. Для биоэстетики такое понимание динамически преформированной морфы весьма перспективно. Обычно красота сосредоточивается во внешнем, информационно значимом слое бытия. Эта закономерность с особой яркостью проявляется в живой природе. Вернемся к чудесной *Matricaria chamomilla*. Сколь наглядно она демонстрирует феномен морфэстезии! Мы видим, что поначалу соцветие молодой ромашки примыкает к контурам параболоида лишь своей апикальной частью, но постепенно с поразительным изяществом вписывается в его полный объем. Каков онтологический статус этого параболоида? Формально его нет в *настоящем* – эскизно он намечает *будущее*. Напрашивается вывод, который кажется безумным: ромашка получает информацию из будущего – контактирует с ним. Но именно такую связь предполагает телеология! Цель есть нечто, еще не сбывшееся. С позиций синергетики она может быть понята как аттрактор, притягивающий настоящее – и преобразующий его в нужном направлении. Выстроим такую цепочку суждений:

связь с будущим возможна лишь в том случае, если реально дальное действие: обмен энергией и информацией со сверхсветовой скоростью;

частицу, пересекающую эйнштейновский барьер, А.Ф. Лосев отождествил с Платоновой идеей;

телеология немыслима без дальнего действия;

в качестве квантов биополя вполне мыслимы тахионы;

его источник находится в трансрелятивистской области, которая естественно ассоциируется с Платоновым миром идей.

Понятие цели биологи иногда заменяют, дабы их не уличили в телеологии, представлением об «устойчивом», «типичном», «окончательном» состоянии. Это хорошие синонимы. В таких терминах определяется и синергетический аттрактор. Но как быть, если аттракторов несколько? Имеется в виду множественный метаморфоз некоторых беспозвоночных. Классическим примером тут будет рак *Peneus potimirum*. Перед нами череда пяти схем – эйдосов – инвариантов. Концепция биополя – с установкой на предельную геометризацию – могла бы помочь в понимании внутреннего механизма, ответственного за эти преобразования.

* * *

Понятие *биополя* нам кажется целесообразным связать с понятием *энергемы*. Введенное А.Ф. Лосевым, оно определяется так: «явленная, или выраженная сущность» [Лосев, 1993, с. 654]. Мы опять выходим к проблеме *выражения*. Или *проявления, манифестации*. Идея ищет воплощения. Общее сейчас индивидуализируется. Поле создает для этого и пространственный, и энергетический каркас. Однако оно, по словам А.Г. Гурвича, «не совершает работы» [Гурвич, 1977, с. 163]. Поэтому физически его трудно зарегистрировать. Какова же тогда субстанция биополя? Это вопрос для завтрашнего дня науки. Ясно, что нефизично (= метафизично?); указание на информационный характер биополя является общим местом; необходимы исследования.

* * *

Классическая теория поля приписывает ему непрерывность. А.Г. Гурвич считал, что это качество сохраняет свое значение и для биополей, однако не абсолютизировал его. Новая физика показала: поле можно квантовать. В духе этих революционных изменений звучат следующие слова А.А. Любищева: «Есть полное основание принципом непрерывности пожертвовать» [А.А. Любищев..., 1998, с. 133]. Квантовая физика сгладила оппозицию континуального и дискретного. Назревало ли нечто подобное внутри теории биополя? В контексте его последней редакции А.Г. Гурвич говорит о «разрывах сплошности» и утверждает, что развитие клеток на опре-

деленном этапе вполне «совместимо с более резкими градиентами и даже сингулярными точками актуального поля» [там же, с. 187]. Поле может претерпевать бифуркацию? К нему применима теория катастроф? Примечательно сравнение некоторых биополевых процессов, протекающих в мозге, с «бурным разливом», – А.Г. Гурвич проводит его в своей последней работе [Гурвич, 1991, с. 273]. Невольно вспоминаются слова О.Э. Мандельштама [2010, с. 320, 321], очень эмоционально отозвавшегося на теорию биополя А.Г. Гурвича, о которой он узнал от своего друга Б.С. Кузина, – обратим внимание на используемый поэтом эпитет:

- «силовое натяжение, бушующее вокруг листа»;

- растение – «посланник живой грозы, перманентно бушующей в мироздании».

Говоря о «громдном эмбриологическом опыте», О.Э. Мандельштам проводит такую аналогию: «Процесс припоминанья, увенчанный победой усилия памяти, удивительно схож с феноменом роста» [там же, с. 322]. В посмертно изданном труде А.Г. Гурвич говорит о том, что возможно «уподобление поведения зародыша рудиментарным психическим актам» [Гурвич, 1991, с. 281]. Унисон поэта и биолога впечатляет своей глубиной.

* * *

Видимое вещество – и невидимое поле. Это противоположение весьма существенно для эстетики. В значительной степени оно нивелировано авангардом. Но разве ему не предшествовала иконопись? Дионисий Ареопагит [2002, с. 441] пишет: «Жизням сверхнебесным дается невещественное боговидное неизменное бессмертие». Хочется сказать о полевой сущности этих жизней. Иконопись нашла средства для их символического представления. Вспомним о синонимизации понятий «идея» и «ангел» в средневековом платонизме. Быть может, свой ангел-хранитель есть у каждой твари? И это ее биополе? Наши ассоциации перетекали в поэтическую область. Как бы то ни было, но вот тезис, который нам кажется бесспорным: эстетика с ее обостренным интересом к проблеме формы должна отозваться на теорию биологических полей.

Литература

- А.А. Любищев – А.Г. Гурвич: Диалог о биополе. – Ульяновск: Ульяновск. гос. пед. ун-т, 1998. – 208 с.
 Белоусов Л.В., Гурвич А.А., Залкин С.Я., Канегиссер Н.К. Александр Гаврилович Гурвич (1874–1954). – М.: Наука, 1970. – 206 с.
 Гурвич А.Г. Избранные труды. – М.: Медицина, 1977. – 352 с.
 Гурвич А.Г. Принципы аналитической биологии и теории клеточных полей. – М.: Наука, 1991. – 288 с.

Дионисий Ареопагит. Сочинения. – СПб.: Алетейя, 2002. – 863 с.

Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.

Мандельштам О.Э. Путешествие в Армению // О.Э. Мандельштам. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. – С. 305–342.

Флоренский П.А. Избранные труды по искусству. – М.: Изобразительное искусство, 1996. – 335 с.